

ИСТОРИЯ ГОСУДАРСТВА И ПРАВА РОССИИ

Дата поступления рукописи в редакцию: 15.05.2026 г.

Дата принятия рукописи в печать: 27.05.2026 г.

DOI: 10.24412/3034-4042-2026-2-26-31

СУШКО Маргарита Николаевна,
студентка 1 курса заочной формы обучения,
Российский государственный университет
правосудия имени В.М. Лебедева,
e-mail: mail@law-books.ru

ГЕНЕЗИС УГОЛОВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ЗА СОЗДАНИЕ ПРЕСТУПНОГО СООБЩЕСТВА: СОВЕТСКИЙ ПЕРИОД

Аннотация. Исследование посвящено историко-правовому анализу установления нормативных предписаний, устанавливающих уголовную ответственность за создание преступного сообщества, в советский период. В ходе исследования проанализирован весь этап развития советского периода соответствующих норм, начиная с дореволюционного законодательства, Руководящих начал 1919 г., уголовных кодексов РСФСР 1922, 1927 и 1960 гг., и вплоть до распада СССР. Выявлены тенденции развития советских норм об организованной преступной деятельности. Сделан вывод, что борьба с данным явлением является необходимой, поскольку на всем протяжении советского периода законодатель предусматривал соответствующие статьи борьбы с данными преступлениями. Отстаивается позиция того, что данные нормы являются социально обусловленными и необходимыми.

Ключевые слова: преступное сообщество, организованная преступность, советское уголовное право, УК РСФСР, контрреволюционные преступления, государственные преступления.

SUSHKO Margarita Nikolaevna,
1st year student of distance learning
Russian State University of Justice
named after V.M. Lebedev

GENESIS OF CRIMINAL LIABILITY FOR CREATING CRIMINAL ORGANIZATIONS: THE SOVIET PERIOD

Annotation. The study is devoted to the historical and legal analysis of the establishment of normative provisions establishing criminal liability for the creation of a criminal community during the Soviet period. The study analyzes the entire stage of the Soviet period development of the relevant norms, starting from pre-revolutionary legislation, the Guiding Principles of 1919, the Criminal Codes of the RSFSR of 1922, 1927 and 1960, up to the collapse of the USSR. The trends in the development of Soviet norms on organized criminal activity have been identified. It is concluded that the fight against this phenomenon is necessary, since throughout the Soviet period the legislator provided for relevant articles to combat these crimes. The position is defended that these norms are socially conditioned and necessary.

Key words: criminal organization, organized crime, Soviet criminal law, RSFSR Criminal Code, counter-revolutionary crimes, state crimes.

Формирование института уголовной ответственности за организованные формы преступной деятельности в советский период представляет собой сложный процесс, обусловленный кардинальными социально-политическими трансформациями российского общества. Понимание генезиса данного института невозможно без обращения к дореволюционной правовой традиции, которая заложила определенные кон-

цептуальные основы для последующего советского законодательства.

Уголовное уложение 1903 г., несмотря на то что полностью не вступило в силу, содержало нормативные положения, касающиеся групповых форм преступной деятельности. Дореволюционное законодательство рассматривало организованную преступность преимущественно через призму посягательств на государственную

власть и основы политического устройства. Заговор, как наиболее опасная форма коллективного криминального поведения, предполагал предварительную договоренность нескольких лиц о совершении государственного преступления. Однако концептуальное понимание организованности существенно отличалось от последующих советских интерпретаций, поскольку фокусировалось на объективной стороне деяния, а не на классовой природе субъекта преступления.

Революционные события 1917 г. радикально изменили правовую систему России. Первоначально советская власть руководствовалась принципом революционной целесообразности, что исключало возможность немедленной кодификации уголовного законодательства. Период с 1917 по 1922 г. характеризовался фрагментарностью правового регулирования, когда отдельные декреты и постановления устанавливали ответственность за конкретные общественно опасные деяния без создания систематизированного законодательного акта [7, с. 102]. Революционное правосознание рассматривалось как основной источник права, что позволяло судебным органам самостоятельно определять преступность и наказуемость деяний исходя из интересов пролетарского государства.

Руководящие начала по уголовному праву РСФСР 1919 г. стали первым систематизированным документом, отразившим основополагающие принципы советского уголовного права. Данный акт не являлся законом в формальном смысле, представляя собой инструкцию народным судам, однако его значение для формирования советской уголовно-правовой доктрины трудно переоценить. Руководящие начала закрепили классовый подход к определению преступления, понимая под ним нарушение общественных отношений, охраняемых рабоче-крестьянской властью [10, с. 155].

В контексте организованной преступной деятельности Руководящие начала содержали положения о соучастии, хотя специальных норм об ответственности за создание преступных организаций в них не было. Тем не менее, декреты советской власти первых лет активно оперировали понятием контрреволюционной организации. Контрреволюционная деятельность рассматривалась как наиболее опасная форма посягательства на советский строй, причем организованный характер такой деятельности существенно повышал общественную опасность содеянного. Декреты о борьбе с контрреволюционными организациями носили ярко выраженную политико-идеологическую окраску, защищая в первую очередь политическую власть пролетариата.

Формирование правовых механизмов борьбы с организованными формами преступности происходило в условиях гражданской войны и разрухи, когда стабильность советской власти зависела от эффективного подавления организованного

сопротивления. Революционные трибуналы наделались широкими полномочиями по применению репрессивных мер к лицам, участвующим в контрреволюционных заговорах и организациях. Отсутствие четких законодательных критериев организованности компенсировалось революционным правосознанием судей, которые самостоятельно оценивали степень общественной опасности коллективных преступных действий.

Принятие Уголовного кодекса РСФСР 1922 г. ознаменовало переход от революционной целесообразности к более формализованному правовому регулированию. Кодекс заложил фундаментальные основы советского уголовного законодательства, включая систематизацию государственных преступлений. Особенная часть кодекса открывалась главой о контрреволюционных преступлениях, что подчеркивало приоритет защиты государственных интересов над охраной личности и общества. Согласно положениям кодекса, контрреволюционными признавались действия, направленные на свержение завоеваний пролетарской революции и власти рабоче-крестьянских советов [9, с. 145].

Кодекс 1922 г. содержал несколько статей, которые можно рассматривать как прообразы современных норм об организованной преступной деятельности. Статьи об участии в контрреволюционных организациях предусматривали повышенную ответственность по сравнению с индивидуальными деяниями. Организованность понималась через наличие предварительного сговора, распределение ролей и согласованность действий участников. Однако законодатель не разработал детальных признаков преступной организации, ограничившись указанием на организованный характер посягательства на основы советского строя.

Примечательно, что санкции за организацию контрреволюционных преступлений отличались исключительной суровостью, предусматривая высшую меру наказания – расстрел. Такая репрессивность объяснялась пониманием организованной контрреволюционной деятельности как наибольшей угрозы существованию советского государства. Руководители контрреволюционных организаций рассматривались как наиболее опасные враги пролетариата, заслуживающие самого сурового наказания. Практика применения данных норм показывала, что суды активно использовали квалификацию по статьям об организованной контрреволюционной деятельности, причем понятие организации толковалось достаточно широко [12, с. 727].

Принципиальное отличие советского подхода от дореволюционного заключалось в акцентировании классовой природы преступления. Если дореволюционное законодательство рассматривало заговор как объективную форму преступного поведения, то советский законодатель видел в организованной контрреволюционной деятель-

ности прежде всего классовую борьбу буржуазии против пролетариата. Субъектами таких преступлений признавались представители эксплуататорских классов, стремящиеся восстановить капиталистические отношения.

Уголовный кодекс РСФСР 1927 г. представляет собой важнейший этап в развитии советского уголовного законодательства, который недостаточно освещен в современной научной литературе применительно к проблематике организованной преступности. Данный кодекс действовал параллельно с законодательством союзного уровня и отражал изменения, произошедшие в советском обществе после завершения периода новой экономической политики. Сравнительный анализ положений кодексов 1922 и 1927 гг. позволяет выявить тенденции законодательного регулирования ответственности за организованные формы преступной деятельности [11, с. 115].

Кодекс 1927 г. сохранил базовую структуру Особенной части, выделяя в качестве первоочередных государственные преступления. Однако формулировки составов были уточнены, а система санкций претерпела определенные изменения. Понятие контрреволюционной организации получило более детальную разработку через разъяснения Пленума Верховного Суда СССР, которые конкретизировали признаки организованности. Судебная практика выработала критерии отграничения организованной контрреволюционной деятельности от групповых преступлений, совершенных по предварительному сговору [4, с. 111].

Важнейшей особенностью периода действия кодекса 1927 г. стало расширение понимания контрреволюционных преступлений за счет включения в их число деяний, направленных на подрыв экономической мощи советского государства. Вредительство как форма организованной подрывной деятельности приобрело особое значение в условиях индустриализации. Законодатель рассматривал организованное вредительство как серьезную угрозу плановому хозяйству, что обусловило установление строгих санкций за участие в таких организациях.

Система советского уголовного законодательства имела двухуровневую структуру, которая непосредственно влияла на регулирование ответственности за организованные преступления. На общесоюзном уровне принимались Основы уголовного законодательства СССР, устанавливавшие фундаментальные принципы и наиболее важные институты уголовного права. Республиканское законодательство конкретизировало общесоюзные нормы применительно к условиям отдельных союзных республик. Уголовные кодексы союзных республик практически дублировали друг друга, воспроизводя положения общесоюзных Основ [5, с. 98].

Такая федеративная структура советского уголовного законодательства обеспечивала единообразие правового регулирования на всей

территории СССР при формальном сохранении законодательной компетенции республик. Применительно к нормам об организованной преступной деятельности это означало, что базовые составы контрреволюционных и государственных преступлений были идентичны во всех республиканских кодексах. Основы уголовного законодательства СССР 1924 г. заложили унифицированный подход к определению наиболее опасных государственных преступлений, включая организованные формы контрреволюционной деятельности.

Уголовный кодекс РСФСР 1960 г. отразил качественно новый этап в развитии советского уголовного права. Принятию данного кодекса предшествовало принятие Основ уголовного законодательства Союза ССР и союзных республик 1958 г., которые определили концептуальные основы реформирования уголовного законодательства. Наиболее значимым изменением стал отказ от термина «контрреволюционные преступления» и введение понятия «особо опасные государственные преступления» [3, с. 82]. Данная терминологическая замена отражала идеологическую установку на окончательную победу социализма в СССР, когда контрреволюция как организованная сила противников советской власти была признана ликвидированной.

Несмотря на изменение терминологии, сущностное содержание норм об организованных посягательствах на государственную безопасность сохранилось. Особо опасные государственные преступления по-прежнему занимали первое место в системе Особенной части, что подчеркивало приоритет защиты государственных интересов. Кодекс 1960 г. более детально регламентировал признаки организованной преступной деятельности, направленной против государства. Появились составы, предусматривающие ответственность за организационную деятельность по подготовке или совершению особо опасных государственных преступлений, что свидетельствовало о смещении акцента с идеологической составляющей на организационные аспекты [6, с. 172].

Законодательные формулировки кодекса 1960 г. отличались большей юридико-технической проработанностью по сравнению с предшествующими актами. Признаки организованности получили более четкое нормативное выражение через указание на согласованность действий, распределение ролей, наличие руководства. Санкции за организацию особо опасных государственных преступлений оставались крайне суровыми, включая смертную казнь, что отражало неизменное представление законодателя об исключительной общественной опасности таких деяний.

Правоприменительная практика периода действия кодекса 1960 г. демонстрировала активное использование норм об организованной антигосу-

дарственной деятельности в политических целях. Преследование диссидентов нередко осуществлялось по статьям об антисоветской агитации и пропаганде, причем организованный характер деятельности вменялся при наличии группы единомышленников, обменивающихся запрещенной литературой. Такая практика свидетельствовала о широком толковании понятия организованности в ущерб правовой определенности [2, с. 250].

В свою очередь, Уголовный кодекс РСФСР 1960 года, принятый на основе Основ уголовного законодательства Союза ССР и союзных республик 1958 года, действовал на территории России вплоть до 1 января 1996 года, то есть уже в постсоветский период. Эта продолжительность действия Кодекса свидетельствует о его относительной стабильности и концептуальной завершенности. Однако в последние годы существования СССР в уголовное законодательство вносились изменения, отражавшие процессы либерализации и демократизации общественной жизни.

В 1991 году Верховным Советом СССР были приняты новые Основы уголовного законодательства Союза ССР и республик, которые должны были вступить в силу с 1 июля 1992 года. Однако в связи с распадом Советского Союза в декабре 1991 года эти Основы на территории РСФСР в полном объеме введены в действие не были, хотя отдельные их положения нашли применение. Основы 1991 года отражали стремление к гуманизации уголовного законодательства, расширению применения мер, не связанных с лишением свободы, и усилению гарантий прав личности в уголовном процессе.

Применительно к ответственности за организованную преступную деятельность период с 1960 по 1991 год характеризовался относительной стабильностью законодательных формулировок при изменении акцентов правоприменительной практики. Если в 1960-1970-е годы основное внимание уделялось борьбе с антисоветской деятельностью и особо опасными государственными преступлениями, то к концу советского периода возросла значимость противодействия организованной преступности в сфере экономики, особенно в условиях развития теневой экономики и появления организованных преступных группировок, контролировавших отдельные сегменты хозяйственной деятельности.

Многие положения Уголовного кодекса РСФСР 1960 года, касающиеся организованных форм преступной деятельности, были восприняты законодателем при разработке нового Уголовного кодекса Российской Федерации 1996 года. В частности, сохранилась идея повышенной общественной опасности организованных преступных формирований, необходимость дифференциации ответственности в зависимости от роли лица в преступной группе, понимание организованности как устойчивой формы соучастия.

Обобщающий анализ советского периода развития нормативных предписаний, устанавливающих уголовную ответственность за создание преступного сообщества позволяет выявить несколько фундаментальных закономерностей. Во-первых, наблюдается постепенное движение от революционной целесообразности к более формализованному законодательному регулированию. Если в первые годы советской власти организованная преступная деятельность пресекалась на основе революционного правосознания, то последующая кодификация привела к закреплению конкретных составов преступлений с относительно определенными признаками [1, с. 556].

Во-вторых, прослеживается устойчивое доминирование политико-идеологического подхода к определению организованной преступности. Советское уголовное законодательство рассматривало организованную преступную деятельность преимущественно через призму посягательств на основы государственного и общественного строя. Общеуголовные организованные преступления не получили столь детальной законодательной регламентации, как государственные. Приоритет защиты государственных интересов над охраной личности и собственности красной нитью проходит через все советское уголовное законодательство [8, с. 38].

В-третьих, характерной особенностью советского подхода являлось понимание организованной преступности как классового явления. Субъектами организованных антигосударственных преступлений признавались представители враждебных социализму классов и социальных групп. Такая классовая детерминация существенно ограничивала возможности объективного анализа феномена организованной преступности, подменяя криминологическое исследование идеологическими штампами.

В-четвертых, советское законодательство демонстрировало постепенное усложнение юридической конструкции составов организованных преступлений. От простого указания на организованный характер деятельности законодатель переходил к детализации признаков организованности, выделению различных форм участия в преступных организациях, дифференциации ответственности в зависимости от роли лица в организации. Данная тенденция свидетельствовала о накоплении правоприменительного опыта и осознании необходимости более точного законодательного регулирования [12, с. 731].

Система санкций за организованную преступную деятельность в советский период характеризовалась исключительной суровостью. Высшая мера наказания предусматривалась по большинству составов, связанных с организацией преступлений против государства. Такая репрессивность отражала представление о том, что организованность многократно увеличивает обще-

ственную опасность деяния и требует наиболее строгого реагирования со стороны государства.

На всем протяжении советского периода, с 1917 по 1991 год, угрозы со стороны организованной преступности существовали в различных формах – от контрреволюционных организаций до организованных преступных группировок в сфере экономики. Законодатель неизменно придавал этим угрозам значение, предусматривая соответствующие нормы и усиливая ответственность за организованные формы преступной деятельности. Это свидетельствует о том, что данные нормативные предписания не являются искусственно созданными по желанию законодателя, а представляют собой социально обусловленные и необходимые меры правовой защиты общества и государства от реально существующих угроз.

Борьба с организованной преступностью, таким образом, является объективно необходимой задачей государства, что подтверждается историческим опытом советского периода. Анализ эволюции уголовного законодательства показывает, что нормы об ответственности за создание преступного сообщества формировались не произвольно, а в ответ на существующие в обществе опасности, меняя свое содержание в зависимости от трансформации социально-политической обстановки, но сохраняя неизменной свою защитную функцию.

Значение советского опыта для современного уголовного законодательства неоднозначно. С одной стороны, советское законодательство разработало ряд юридико-технических приемов конструирования составов организованных преступлений, которые были восприняты совре-

менным российским законодателем. Выделение различных форм организованной преступной деятельности, дифференциация ответственности организаторов, участников и пособников, понимание организованности как устойчивой формы соучастия – все эти элементы имеют советские корни.

С другой стороны, очевидна необходимость преодоления идеологизированного подхода к организованной преступности. Современное понимание преступного сообщества исходит из объективных признаков организованности независимо от классовой или политической принадлежности участников. Отказ от приоритета государственных интересов и переход к приоритету защиты личности потребовали переосмысления места норм об организованной преступности в системе Особенной части уголовного закона.

Историко-правовое исследование советского периода развития нормативных предписаний, устанавливающих уголовную ответственность за создание преступного сообщества, демонстрирует, что данные предписания формировались под определяющим влиянием социально-политических факторов. Революционные преобразования, классовая борьба, политические репрессии, холодная война – все эти обстоятельства накладывали отпечаток на содержание и применение норм об организованной преступной деятельности. Советский опыт показывает, что излишняя идеологизация уголовного законодательства ведет к его использованию в качестве инструмента политической борьбы в ущерб задачам действительной охраны правопорядка от общественно опасных посягательств.

Список литературы:

- [1] Васин Ю.Г., Максимов С.В. Концепт инновационной модели противодействия организованной преступности: предпосылки и возможности // *Всероссийский криминологический журнал*. 2020. Т. 14. № 4. С. 553-569.
- [2] Жукова С.С., Намнясева В.В. Особенности уголовной ответственности за занятие высшего положения в преступной иерархии // *Всероссийский криминологический журнал*. 2022. Т. 16. № 2. С. 248-256.
- [3] Капинус О.С. Признаки преступного сообщества (преступной организации) в контексте нового примечания к ст. 210 УК РФ // *Журнал российского права*. 2020. № 9. С. 80-90.
- [4] Козловская М.Г. Преступное сообщество: криминологический подход // *Правоприменение*. 2020. Т. 4. № 2. С. 109-116.
- [5] Коробеев А.И. Уголовно-правовая политика России: от генезиса до кризиса. М., 2019. 352 с.
- [6] Леденев В.В. Социальный капитал организованной преступности // *Экономическая социология*. 2023. Т. 24. № 2. С. 168-180.
- [7] Михайлов В.И. УК РСФСР 1922 г.: вопросы разработки и характеристика теоретической основы и институтов Общей части // *Журнал российского права*. 2024. Т. 28. № 5. С. 100-115.
- [8] Наумов А.В. Вектор современных направлений отечественной доктрины уголовного права // *Право. Журнал Высшей школы экономики*. 2023. № 3. С. 34-55.
- [9] Николаева Ю.В. Государственные преступления в системе Особенной части Уголовного кодекса РСФСР и Уголовного кодекса Российской Федерации // *Государство и право*. 2023. № 1. С. 142-152.
- [10] Чучаев А.И. Первый советский Уголовный кодекс: концептуальные основы и общая характеристика // *Государство и право*. 2022. № 6. С. 152-167.
- [11] Шевелева С.В. Трансформация уголовного законодательства на современном этапе // *Жур-*

нал российского права. 2024. Т. 28. № 3. С. 106-123.

[12] Якушева Т.В. Противодействие преступным сообществам (преступным организациям) и лидерам криминальной среды: деструктивные тенденции, поиск новых законодательных решений // Всероссийский криминологический журнал. 2020. Т. 14. № 5. С. 723-734.

References:

[1] Vasin Yu.G., Maksimov S.V. The Concept of an Innovative Model for Combating Organized Crime: Prerequisites and Possibilities // All-Russian Criminological Journal. 2020. Vol. 14. No. 4. pp. 553-569.

[2] Zhukova S.S., Namnyaseva V.V. Features of Criminal Liability for Occupying a High Position in a Criminal Hierarchy // All-Russian Criminological Journal. 2022. Vol. 16. No. 2. pp. 248-256.

[3] Kapinus O.S. Signs of a Criminal Community (Criminal Organization) in the Context of the New Note to Article 210 of the Criminal Code of the Russian Federation // Journal of Russian Law. 2020. No. 9. pp. 80-90.

[4] Kozlovskaya M.G. Criminal Community: A Criminological Approach // Law Enforcement. 2020. Vol. 4. No. 2. pp. 109-116.

[5] Korobyev A.I. Criminal Law Policy of Russia: From Genesis to Crisis. Moscow, 2019. 352 p.

[6] Ledenev V.V. Social Capital of Organized Crime // Economic Sociology. 2023. Vol. 24. No. 2. pp. 168-180.

[7] Mikhailov V.I. The Criminal Code of the RSFSR of 1922: Issues of Development and Characteristics of the Theoretical Basis and Institutions of the General Part // Journal of Russian Law. 2024. Vol. 28. No. 5. pp. 100-115.

[8] Naumov A.V. Vector of Modern Directions of the Domestic Criminal Law Doctrine // Law. Journal of the Higher School of Economics. 2023. No. 3. pp. 34-55.

[9] Nikolaeva Yu.V. State Crimes in the System of the Special Part of the Criminal Code of the RSFSR and the Criminal Code of the Russian Federation // State and Law. 2023. No. 1. pp. 142-152.

[10] Chuchaev A.I. The First Soviet Criminal Code: Conceptual Foundations and General Characteristics // State and Law. 2022. No. 6. pp. 152-167.

[11] Sheveleva S.V. Transformation of Criminal Legislation at the Current Stage // Journal of Russian Law. 2024. Vol. 28. No. 3. pp. 106-123.

[12] Yakusheva T.V. Counteracting criminal communities (criminal organizations) and leaders of the criminal environment: destructive trends, search for new legislative solutions // All-Russian Criminological Journal. 2020. Vol. 14. No. 5. P. 723-734.

ЮРКОМПАНИ
www.law-books.ru

Юридическое издательство «ЮРКОМПАНИ»
издает научные журналы:

- Научно-правовой журнал «Образование и право», рекомендованный ВАК Министерства науки и высшего образования России (специальности 12.00.01, 12.00.02), выходит 1 раз в месяц.
- Научно-правовой журнал «Право и жизнь», рецензируемый (РИНЦ, E-Library), выходит 1 раз в 3 месяца.